

ПРОБЛЕМА РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННОМ КЫРГЫЗСТАНЕ

А.Б. Болтонова

Рассматривается проблема актуализации и оптимизации северного и южного регионов Кыргызстана; доказывается, что индуцированный интерес к регионам Кыргызстана является объективным процессом интеграции страны; подчеркивается, что государственная политика страны должна исходить из векторной направленности регионов к единению и целостности.

Ключевые слова: регион; трайбализм; кланы; идентификация; интеграция; политическая элита; глобализация.

Процессы мировой глобализации XXI в., вызовы современного мира усилили и обнажили латентные проблемы государств. В особенности они усилились в тех государствах, где наблюдалось их дееспособность в решении социально-экономических, политических проблем, национальной идентификации. Ниша слабого государственного регулирования и контроля стала заполняться более выраженным конструктивным вмешательством внутренних акторов, а именно регионами. Для Кыргызстана

новыми институциональными формами стали регионы, разделенные географически по линии Север и Юг. Регионы выступили выразителями интересов, нужд, культурной специфики местных сообществ. Для гражданина КР региональная идентичность стала превалировать. Отсюда, главную роль стали играть представители местной региональной элиты. Политика государства в суверенный период подчеркнула их значимость в республиканском масштабе. Произошла персонализация региональной политики.

Целью нашего исследования является объяснение причины усиления регионов севера и юга Кыргызстана в современный период. Доказать, что противопоставление “Север – Юг” Кыргызстана не выступает тождеством сепаратизма, как феномен разрушительного, негативного характера. Важно понять, что регионализм в отличие от сепаратизма нейтрален и не несет в себе деструктивный потенциал. Достигая своих крайних проявлений, регионализм может переходить в сепаратизм.

Согласимся, что проблема регионов присутствует во всех государствах, в том числе и на постсоветском пространстве. В Кыргызстане региональная идентичность населения отчетливо проявляется в формате “северянин – южанин”. 3,9 % от общего числа опрошенных жителей юга указали на принадлежность к региону, в противовес к 0,8 % жителями северного региона [1, с. 212]. Поэтому рассмотрим, в чем заключается отличие регионов.

Разница и в то же время уникальность северной и южной части Кыргызстана заключается в следующем.

Во-первых, уровень региональной идентичности у кыргызов проходит по линии естественного географического разделения страны на Север и Юг, что отразилось на специфике хозяйственной деятельности, культуре регионов. Северная и южная часть Кыргызстана разделяются между собой Ферганским хребтом Тянь-Шанских гор. Юго-западную границу Кыргызстана обрамляет Памиро-Алайский горный массив. Соединение двух регионов осуществляется дорожной линией Бишкек – Ош. Из семи областей Кыргызстана (Иссык-Кульская, Чуйская, Таласская, Нарынская, Ошская, Джалал-Абадская, Баткенская) три последние расположены в южном регионе.

Север Кыргызстана заселен неравномерно, преимущественно ориентирован на скотоводческий и животноводческий тип хозяйства. Согласно данным национального статистического комитета КР, в конце 2011 г. в Кыргызстане проживало 5 551,9 тыс человек [2, с. 18]. На территории северной части Кыргызстана проживают 2645,2 тыс человек, что составляет около 47,6 % населения Кыргызстана. Плотность населения на севере составляет примерно 20 чел. на 1 км². Внешняя миграция населения в начале 2011 г. составила 45740 человек, где на Север (вместе с г. Бишкек) приходится – 64 %, остальное – на Юг (вместе с г. Ош). Основная часть населения в обоих регионах выбывает в Россию и Казахстан. Согласно историческим данным, в 1855–1863 гг. территория Кыргызстана была завоевана отрядом русского генерала М. Черняева и вошла в состав Российской

империи. Социально-экономическое развитие севера за годы Советской власти, относительно юга республики, было более интенсивным.

Южная часть Кыргызстана – преимущественно сельскохозяйственный район – испытывает жесточайший дефицит земли и воды. Поэтому система ирригационных каналов остается актуальной проблемой и сейчас. Южная часть Кыргызстана присоединилась к Царской России в 1876 г. под названием “Ферганская область”. Здесь проживает больше половины населения Кыргызстана – 2906,7 тыс человек, что составляет 52,4 % населения Кыргызстана. Ферганская долина представляет собой одну из самых густонаселенных районов мира – свыше 360 человек на 1 км² [3, с. 25–27]. В начале 2012 г. плотность населения составила 33 чел. на 1 км² [2]. На Юге высока степень религиозной идентичности, поддерживаемая узбекскими и таджикскими этническими общинами. К примеру, в 2007 г. в Ошской и Джалал-Абадской областях уровень исполнения конфессиональных практик составил 100 %, в Бишкеке – 90,5, в Иссык-Кульской области – 88,5 % [1, с. 225]. Влияние русской культуры ощущается значительно меньше, чем на севере. На юге преобладает узбекское и таджикское население. Узбекская община на юге Кыргызстана составляет более 30 % электората и образует ключевую этническую группу избирателей.

Во-вторых, велико историко-культурное различие Севера и Юга. Территориально Север и Юг во второй половине XIX в. были разделены между четырьмя отдельными областями Туркестанского края. Согласно мнению историков, административно-территориальная идентификация способствовала делению кыргызов по географическому проживанию – джетысуйских и ферганских, то есть северных и южных [4, с. 71]. После размежевания Средней Азии в 1924 г. большее значение приобрела региональная принадлежность, обусловленная административным делением. Советская власть, исходя из геополитических интересов, только усугубила раздел и противопоставление Севера и Юга.

В-третьих, явственны различия Севера и Юга по историко-культурному наследию (история, культура, быт, традиции и обычаи, региональная специфика языка, решение гендерных вопросов). Кыргызский филолог советского периода академик Б. Юнусалиев, несмотря на единый словарный фонд, выделял и принципиально отличал диалектические особенности регионов. Северный диалект представлен таласскими, чуйскими, тяньшанскими, иссыккульскими, пограничными (смешанными) говорами, южно-кыргызские диалекты – юго-восточными и юго-западными. К примеру, северный диалект имеет свою фонетическую

и грамматическую специфику: имеются слова монгольского происхождения [5, с. 86–93]. Факторами региональной идентичности кыргызского народа были архитектура, прикладное искусство, устное народное творчество, музыкальный фольклор, традиции и обычаи, обряды в религиозной сфере.

В-четвертых, столица республики г. Бишкек географически находится на севере, что обеспечило благоприятное развитие северян (мегаполис, сосредоточение органов власти и управления, темпы урбанизации, учреждения, общественные организации, вузы, творческие союзы государственного, национального масштаба).

В-пятых, преобладающее значение имело знание русского языка, что характерно для севера. Большая часть русской диаспоры, по исторически сложившимся обстоятельствам, сосредоточена на территории северного региона. В современном Кыргызстане кыргызы составляют 70,9 % населения. По численности этнические узбеки сейчас занимают второе место после кыргызов (14 %). Хотя, в 2009 г., согласно переписи населения и жилищного фонда КР, доля русскоязычного населения составляла 20 % населения республики [6, с. 113]. Первые русско-туземные школы были открыты на севере (Чуйская, Иссык-Кульская области). Из зарегистрированных 64 вузов (данные на 2012 г.) 51 вуз находится на территории северной части, 13 – на юге [7]. Конечно, надо учитывать, что сюда отнесен и столичный регион республики. В советский период знание русского языка давало возможность карьерного роста, занятие высокого статуса в обществе, выход на международный уровень.

В-шестых, существует различие родоплеменного состава регионов Севера и Юга. В историческом источнике нач. XVI в. “Маджму ат-таварих”, написанном Сайф ад-Дином Ахсикенди, впервые упоминается этнополитическая конфедерация, двухфратриальная структура кочевого кыргызского общества [8, с. 143–144]. В источнике названы два основных отдела кыргызского народа – правое крыло (“он канат”), левое крыло (“сол канат”). Позже к правому и левому крылу кыргызов примкнула группа племен ичкилик (“булгачы”) [9, с. 32]. Племена правого и левого крыльев были расселены на Тянь-Шане, в Иссык-Кульской котловине, Кетмен-Тюбинской впадине, в Кеминской и Чуйской долинах, в пределах Центрального и отчасти Западного Тянь-Шаня, в бассейне р. Текеса, вдоль южных склонов хребта Кокшаал, по склонам Ферганского и Алайского хребтов, в восточной части Ферганской котловины, в уезде Улугчат Киргизского автономного округа (КНР), в долинах рек Таласа и Чаткала [10, с. 26–27]. Территория проживания “ичкилик” – пред-

горья части Алайского и Туркестанского хребтов, прилегающих к ним районам Ферганской котловины. Конечно, проживание некоторых племен двух крыльев и “ичкилик” не приравнивалось к региональному разделу страны, так как они проживали разрозненно, смешанно. Однако большая часть племени ичкилик проживает в южной части Кыргызстана.

В период правления А. Акаева и К. Бакиева региональный принцип деления и представительства во властных структурах государства (что всегда отражалось на смене представительств в структурах власти) приобрел родоплеменную окраску, выражая больше ее негативную сторону – трайбализм. Племена, роды стали представлять источник политической нестабильности в государстве. Смещение центра актуальности с регионов ученые объясняют проявленной слабостью регионов, которые не смогли своевременно консолидироваться и решить поставленные, главным образом социально-экономические, вопросы. Смещение произошло на более измельченные структуры кыргызского общества.

Политику региональной балансировки между Югом и Севером можно рассмотреть на схеме рокировки политических элит Кыргызстана в период правления А. Акаева. Особо были учтены интересы Иссык-Кульской области, второй по численности населения после Чуйской на Севере. На политическую арену выступила политическая элита, основная часть которых были выходцами из севера Кыргызстана: премьер-министр Кыргызстана Т. Чынгышев (фев. 1992 – дек. 1993 гг.), председатель Жогорку Кенеша (1990–1994 гг.) М. Шеримкулов [11]. После правительственного кризиса под давлением парламента был утвержден новый состав руководства правительства: А. Джумагулов (дек. 1993 – март 1998 гг.) – северянин, К. Жумалиев (март – дек. 1998 г.) – южанин, Ж. Ибраимов (дек. 1998 – апр. 1999 гг.) – северянин, А. Муралиев (апрель 1999 – дек. 2000 гг.) – северянин, К. Бакиев (дек. 2000 – май 2002 гг.) – южанин. Торага СНП ЖК КР стал южанин А. Эркебаев (1997 г.), торага ЗС ЖК КР был избран иссыккулец У. Мукамбаев (1996–2000 гг.). СНП ЖК КР возглавил северянин (Таласская область) – А. Борубаев, ЗС ЖК КР – южанин А. Эркебаев. В целом, региональный подход при выдвижении на высшие республиканские должности использовался президентом А. Акаевым довольно активно. Регионализм, а вместе с ним скрытость, негласность, непрозрачность данной смены политических региональных кланов стали в период А. Акаева негласной инструкцией по расстановке руководящих кадров в республике. Представительства различных кланов во власти, еще в зародыше ре-

форм, привели к изначальному искривлению сути кадровой политики в республике. Естественно, это вызывало недовольство среди элит южного региона Кыргызстана, проблемы которого были отягощены еще и ухудшением социально-экономического положения. События мартовской революции 2005 г. подтвердили наличие противостояния между северными и южными кланами. Неспособность государства выступить гарантом и защитником регионов, интересов влиятельных кланов, разрешить противоречия, конструктивного диалога между государством и элитой привело к насильственной рокировке.

К власти пришел представитель южного клана, бывший премьер-министр Кыргызстана (март 2005 – апрель 2010 гг.) – К. Бакиев. При нем этнический вопрос при смене высшего руководства Кыргызстана был актуален. Окончательно укрепилась власть правящего южного клана. Во все ведущие ключевые и политически значимые посты в органах государственной власти, включая Верховный суд, ГСНБ, армию, МИД, экономически эффективные производства, компании были внедрены ближайшие родственники, сторонники и представители клана К. Бакиева. Отметим некоторых из них. Торага Жогорку Кенеша (2007–2008 гг.), секретарь совета безопасности (2008–2009 гг.), госсекретарь КР (май 2006 – ноябрь 2007 гг.), вице-премьер-министр КР (2005–2006 гг.) – А. Мадумаров, В период суверенитета М. Султанов занимал ведущие посты: от Председателя НБ КР (июль 1994 – декабрь 1998 гг.) до министра финансов КР (январь 1999 – июль 1999 гг.; январь 2009 – апрель 2010 гг.). Министр обороны КР (май 2008 – апрель 2010 гг.) – Б. Калыев. Братья Конгантиевы Камбаралы и Молдомуса занимали высокие должности в правоохранительных органах, военный прокурор КР (июль 2006 – сентябрь 2008 гг.), министр юстиции КР (24.09.2008 – 23.11.2009) – Н. Турсункулов. Министром МЧС в 2007–2009 гг. был назначен К. Ташиев. Если вычленишь только ключевые посты, доставшиеся кыргызам с южного региона, то гегемония южного клана станет очевидной. Данные политической номенклатуры на 2009–2010 гг. свидетельствуют о завершении процесса укрепления преимущества клановой элиты южного региона. Конечно, мы также можем допустить, что кадровые ротации при президентах зависели от качества человека, его организационных способностей, личных связей, родства, дружбы. Но многое зависело от принадлежности региону.

В целом, подводя итоги, мы можем отметить, что до настоящего времени в современном состоянии политического развития Кыргызстана надо признать двоякую роль регионов

в масштабе страны: с одной стороны, они способствуют дезинтеграции общества. На примере правления кыргызских президентов нач. XX в. мы увидели, что региональная принадлежность может активно использоваться в качестве основного инструмента в государственном управлении страны. С другой стороны, регионализм способствует и поддерживает значимость регионального представительства в обществе, направленного на единение страны (самобытность, уникальность и разность культур, языковых диалектов, менталитета). Поэтому, актуальность региона была вызвана потребностью в наибольшей адаптации к изменяющимся условиям. Бездеятельность социальной системы, государственной политики включили определенные механизмы самозащиты. Активность развития и возвышения регионов возникла как степень необходимого выхода из кризиса. Негативная смысловая нагрузка, а именно противопоставление “Севера – Юга” должна быть исключена. Выделение роли регионов – это историческая обусловленность и закономерность, выработанная самим историческим процессом развития общества. Главное здесь не допустить ее крайней формы – сепаратизма. В период правления А. Акаева и К. Бакиева, к сожалению, данная окраска четко проявилась. Важно добавить, что для устойчивого развития нашего общества вполне адекватно отталкиваться от векторной направленности регионов к единению и целостности страны. Естественно, во многом это зависит от высокой нравственности, ответственности, политической воли правящего класса государства.

Литература

1. История и идентичность: Кыргызская Республика / А.К. Абылгазиева, В.Б. Богатырев, З.К. Курманов, Г.Л. Горборукова. Бишкек, 2007.
2. Демографический ежегодник КР: 2007–2011 гг. Бишкек: Нацстатком КР, 2012.
3. *Медведко Л.* Годовщина великой победы и многоцветье экстремальных демократий / Л. Медведко // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 5 (41).
4. *Бейшембиев Э.Д., Болджурова И.С., Джунушалиев Дж.* Введение в историю кыргызской государственности / Э.Д. Бейшембиев, И.С. Болджурова, Дж. Джунушалиев. Бишкек: Илим, 2004.
5. *Юнусалиев Б.М.* Избранные труды (на кыргызском языке) / Б.М. Юнусалиев. Фрунзе: Илим, 1985.

6. *Жоошбекова А.Р.* Этнические аспекты миграции населения юга Кыргызстана / А.Р. Жоошбекова // Проблемы полиэтнического общества в Центральной Азии: вызовы и возможные решения: Матер. межд. научн. конф., посвященной 75-летию перв. кыргыз. женщины – ученого-этнографа К. Мамбеталиевой. Бишкек, 2013. 452 с.
7. Министерство образования и науки Кыргызской республики на 16.04.2012. [Электронный ресурс:] <http://edu.gov.kg/ru/obrazovanie/vysshee-obrazovanie-i-poslevuzovskoe-professionalnoe-obrazovanie.html> (дата обращения 9 апреля 2013 г.)
8. *Абрамзон С.М.* Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии / С.М. Абрамзон // Родовое общество. Этнография, материалы и исследования. М., 1951.
9. *Асанов Т.И.* Этнополитическая структура кыргызов в XV–XVI вв. / Т.И. Асанов // Диалог цивилизаций на Великом Шелковом пути: Матер. межд. научн. конф. Бишкек. 26–27 сентября 2001 г. Бишкек, 2002.
10. *Абрамзон С.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / С. Абрамзон. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
11. Кто есть кто: статистика. [Электронный ресурс:] <http://www.centrasia.ru/person.php>